Лев Лурье: Наиболее яркие события происходят в сети

Сам будучи интеллегентом до мозга костей, и к тому же петербуржцем, основатель и преподаватель Санкт-Петербургской классической гимназии, историк, культуролог и краевед Лев Лурье не разделяет привычного «интеллигентского» пессимизма. Профессия историка дает ему более объективную оптику. И оказывается, что в нашей культуре идут процессы активных перемен, эти перемены накапливаются, а от нового поколения можно ожидать нового шага – и в повседневной культуре, и в более рафинированных ее сферах. Нам есть чего ждать и к чему присматриваться.

Представим себя в достаточно отдаленном будущем и посмотрим оттуда на наше время. Каким наше время останется?

Сто лет назад мы пережили исторический перелом, равный петровским реформам. А теперь находимся на последнем отрезке этого исторического периода, стоя перед чем-то совсем новым.

Это последний отрезок, потому что все те, кто нами правят сейчас – дети революции 1991 года. Примерно так, как американская элита, представленная Клинтонами, Обамой, была детьми 1968 года и донесла до нашего времени ценности, которые восприняла еще в те времена.

Для нашей элиты последний системный импульс, когда разрушили

Советский Союз, преобразовал всю жизнь. Если бы не случилось «величайшей геополитической катастрофы 20 века», Владимир Владимирович Путин сейчас выращивал бы на пенсии помидоры. У него стояла бы, наверное, в гараже «Волга». И вот как все фееречески поменялось — для них. А для молодого поколения это уже слишком история. Продолжать жить историческими реминисценциями невозможно. Новое должно случиться. Что-то такое, что перевернет и поменяет теперь уже их жизнь.

У вас есть предположения, откуда придет эта vita nuova? Из мира технологий, из радикального продления жизни, еще откуда-то?

Драйверами будут, конечно, сами эти молодые люди. Что они с собой принесут, то и станет частью новой этики и новой политики. К этому надо присматриваться.

Это не так просто, культурная оптика сильно зависит от политического положения. А у нашей интеллигенции есть свойство приухудшать ситуацию. Но, как историк, скажу, что по совокупности всех факторов Россия никогда не жила с таким материальным достатком и одновременно так свободно.

> *Шнуров, еще молодой, мало кому известный, писал песни, в каждой строчке которых мат. Это значит, что его никогда не будут ротировать на радио и показывать по телевизору. Он выбирает путь, с точки зрения мировых стандартов являющийся абсурдным. Но дело в том, что в Петербурге, в отличие от Москвы, искусство меньше зависит от денег, потому что денег все равно нет.*

Именно «свободно»?

Понимаете, есть 2 понятия: «свобода» — и «возможности». Что касается свободы, то меня, например, никто не ограничивает. Могу зарабатывать больше, могу меньше. Могу читать Пелевина, могу Толстую. Могу ходить на демонстрацию и выступать на митинге, а могу и не ходить.

Внутренняя свобода — очень важна. Благодаря ей воспитывается внутренняя культура. Сейчас молодые люди встают с газонов, и за ними — ни окурка, ни бумажки. Люди научились за собой убирать. Больше того, они научились ценить свою работу. Во времена моей юности, в поздний советский период, если ты хотел работать — на тебя смотрели, как на идиота. А сейчас молодые люди понимают, что работать надо. И так причем, чтобы преображать мир вокруг. У них гораздо более высокая производительность труда, в конце концов.

Но проблема теперь другая — в возможностях. Мы хорошо помним, как возможности одна за другой закрывались. Например, как Леонид Парфенов стал невозможен на телевидении. Представители правящей верхушки, пытаясь разобраться в собственных ценностях, которые уже на излете, отсекли самых способных людей новых поколений от огромного количества возможностей. Это и трагедия, но это и движущая сила.

Что если попробовать в общих чертах описать современную культурную ситуацию? По крайней мере, на российском пространстве. Какие ключевые характеристики отличают нас от тех же 90-х годов?

В те годы из всех жанров ярче всего проявила себя журналистика. Я думаю, в истории России для нее не было настолько яркого периода. Несколько газет и журналов буквально поменяли весь язык медийного общения — на человеческий, как будто следуя совету Довлатова, издававшего в таком духе газету в Нью-Йорке для «новых американцев». Журналистика стала настолько интересной, что поэзия, проза, даже кинематограф отошли на задний план.

Но, по понятным политическим причинам, эта эпоха закончилась.

И сейчас наиболее яркие культурные события происходят в сети. Это, может быть, важнее для писательства, чем для журналистики. Появился тип сетевого писателя. Даже в формате фельетона — помните, что делали Дмитрий Быков с Михаилом

Ефремовым. Во многом в сеть ушла и Татьяна Толстая. Их тексты становятся достоянием огромного числа людей. Они не просто читаются, они комментируется. Возникшая манера коротких зарисовок имеет корни в русской литературе. Но получила новую актуальность она именно в связи с появлением писателя в сети.

> *Мы должны понять, что наша культура создана для менеджеров. Они ее и потребляют. Менеджеры — это и есть, собственно, средний класс. Это они сегодня пользователи культуры.*

Говоря о корнях, вы имеете ввиду, например, Розанова? Только, может быть, без его точности.

Я бы сказал, что Таня Толстая не менее точна, чем Розанов. У нее нет безумия Розинова, которая отчасти его украшает, но отчасти превращает в чудовище. Тем не менее, это та же приметчивость, та же неожиданная точка зрения, под которой любое событие становится совершенно другим. И эта манера письма мне симпатична и дико удобна, потому что больше не нужно читать 6 томов. А, в какой-то степени, это еще и заменяет колумнистику.

Потеря больших нарративов произошла даже раньше.

Да, после «Generation П» Пелевина не было романа, который был бы по-настоящему популярен и так бы всех всколыхнул. Но за это время значительно вырос интерес к non-fiction. Люди предпочитают читать и обсуждать сочинения по психологии, социологии, истории.

Происходит движение в сторону discovery, освоения большого мира?

Тем более что из литературы уходят назидательность и поучительность. Мораль можно получить из других источников, более сжатых и научно фундированных. Отмена цензуры и относительная свобода в России привела к тому, что писатель уже не может играть ту же роль, что когда-то Радищев, Пушкин,

Толстой или Солженицын.

Возможно, мы приближаемся к стандарту, который выковал англоязычную литературу. Знаете, Довлатов говорил, что в русской литературе человек уходит на озеро и думает там о несчастной любви. А в результате мы ничего не узнаем о самом озере — насколько глубоко оно, теплое оно или холодное, судоходно ли, какая там флора имеется, какая фауна.

А, скажем, американская проза замечательна тем, что ты попутно узнаешь дикое количество вещей. Даже из очень среднего повествования. И вот этому надо бы поучиться. Я вижу, что культура среднего исторического романа у нас повышается. Один пример. В Нижнем Новгороде пишет Николай Свечин. С моей точки зрения, совершенно не уступая Борису Акунину. Сочиняет истории про замечательного сыщика. Если бы он писал в Америке или во Франции, его книги были бы бестселлерами. У нас пока нет, но мне кажется важной сама тенденция.

Не тайнописное общение писателя с читателем через голову властей, а передача знаний, интересов и человеческой позиции.

В культуре Петербурга чуть ли не главным человеком в последние годы был Сергей Шнуров. Его появление тоже связано с переменой ветра в словесности?

Это достаточно сложное явление, в котором стоит разобраться. Потому что Шнуров — это сказ. Он пишет от имени героя, с которым не совпадает. Он делает попытку в языке человека, который не может и в одной фразе обойтись без двух «бля», описать всю действительность. Его герой косноязычен, но способен любить, чувствовать омерзение и так далее. Поэтому — это любопытно.

У меня нет ощущения, что мы находимся в культурной яме

Все-таки его аудитория умеет выстроить фразу, не пользуясь названным словцом. Возможно, ее желание послушать Шнура и

временно отождествиться с его героем — компенсация менеджерской зажатости?

Конечно. И отождествиться, и дистанцироваться, посмеявшись над ним. Я думаю, многие любители Зощенко (Жданов, например) остро чувствовали превосходство над его героями. Так и тут. «Вот козел, пацан из пивного ларечка, разговаривать-то не умеет, а я вчера между прочим из Венеции вернулся».

Мы должны понять, что наша культура создана для менеджеров. Они ее и потребляют. Менеджеры — это и есть, собственно, средний класс. Это они сегодня пользователи культуры.

Ну и потом, Шнуров для них — это возможность избавиться от части условностей коллективно. Если ты сделаешь это индивидуально, на тебя посмотрят, как на животное. А так, непристойное действие обретает ценность карнавала, о котором писал Бахтин.

Но я считаю, для Петербурга не менее важен, к примеру, Гребенщиков. Шнуров — это не только клипы, хотя клип «В Питере — пить» перезапустил проект. Шнур — это выступление в зале, он сметает публику своей энергетикой.

А Гребенщиков — ближе к квартирнику? Это два полюса, кстати, Гребенщиков и Шнуров?

Это разные совершенно люди. Разница между ними, как между Фетом и Некрасовым, или Бродским и Евтушенко. Не хочу никого обидеть — это условные сравнения. Но оба они шли от неприятия официальной публичности, только каждый по-своему.

Шнуров, еще молодой, мало кому известный, писал песни, в каждой строчке которых мат. Это значит, что его никогда не будут ротировать на радио и показывать по телевизору. Он выбирает путь, с точки зрения мировых стандартов являющийся абсурдным. Но дело в том, что в Петербурге, в отличие от Москвы, искусство меньше зависит от денег, потому что денег все равно нет.

То же самое было с Гребенщиковым, который писал очень сложно для того времени. Но просто он не мог писать иначе. И выиграл. Его трактуют, это текст для комментирования. У каждого своя точка зрения, что он имел в виду. Как раз потому, что это невостребовано (в смысле, денег за это не платят), человек сидит и раскладывает бисер. И делает это с предельным вниманием к своему делу.

> *Внутренняя свобода – очень важна. Благодаря ей воспитывается внутренняя культура. Сейчас молодые люди встают с газонов, и за ними – ни окурка, ни бумажки. Люди научились за собой убирать. Больше того, они научились ценить свою работу. Во времена моей юности, в поздний советский период, если ты хотел работать – на тебя смотрели, как на идиота. А сейчас молодые люди понимают, что работать надо. И так причем, чтобы преображать мир вокруг.*

И можно быть искренним.

Да. С голоду не помрешь в Петербурге, но и «Газпром нефть» не возглавишь.

А если деньги появляются, как в случае прихода крупных инвесторов?

Все равно денег больших в городе нет. Что город стал ощутимо богаче с приходом крупных компаний – это хорошо, конечно. Заполнились музеи, концерты, театры. Причем во многом молодежью. А она сильно культурней, чем мы были в их возрасте. Знание языков, заграничный опыт, безграничное общение в какой-то степени.

Вы можете допустить новый расцвет русской культуры?

Я не уверен, что мы его не переживаем…. У меня нет ощущения, что мы находимся в культурной яме.